

С.П. Алексеев

РАССКАЗЫ О БИТВЕ НА КУРСКОЙ ДУГЕ

ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ

Июль. 5-е. 1943 год. Короткая летняя ночь. Курская дуга. Не спят фашисты. На 3 часа утра назначено наступление. Отборные войска направлены сюда, под Курск. Лучшие солдаты. Лучшие офицеры и генералы. Лучшие танки, лучшие пушки. Самые быстрые самолёты. Таков приказ главаря фашистов Адольфа Гитлера.

За тридцать минут до начала штурма начнут фашисты артиллерийскую атаку на советские позиции. Загрохочут пушки. Это будет в 2.30. Пропашут снаряды советские позиции. Затем вперёд устремятся танки. За ними пойдёт пехота.

Притаились фашистские солдаты. Сигнала ждут. Нет-нет, на часы посмотрят. Вот два часа ночи. Два пять. Два десять. Двадцать минут до двух тридцати осталось. Пятнадцать, десять минут осталось. Десять минут, и тогда...

И вдруг! Что такое?! Не могут понять фашистские солдаты, что же вокруг случилось. Не от них, не со стороны фашистских позиций, а оттуда, от русских, прорвав рассвет, огненным гневом ударили пушки. Покатился смертельный вал. Вот подошёл к окопам. Вот заплясал, закружил над окопами. Вот поднял землю к небу. Вот вновь металлом забил, как градом.

В чём же дело?

Оказалось, советским разведчикам удалось установить точные сроки фашистского наступления. День в день. Час в час. Минута в минуту. Не упустили удачу наши. Упредили фашистов. По готовым к атаке фашистским войскам первыми всей силой огня ударили.

Заметались фашистские генералы. Задержалось у них наступление. Прижались к земле фашистские солдаты. Не тронулись с исходных позиций фашистские танки. Не успели артиллеристы открыть огонь. Лишь через несколько часов смогли фашисты пойти в атаку. Однако без прежнего энтузиазма.

Шутили у нас в окопах:

— Не тот теперь выдох!

— Не тот замах!

И всё же сила у фашистов была огромная. Рвутся они к победе. Верят они в победу.

ЗВЕРОЛОВЫ

Долго готовились фашисты к Курской битве. Дважды начало её откладывали. То не готовы новые танки. То не готовы новые пушки. То новые самолёты не закончили испытания.

Готовились фашисты к наступлению. К наступлению готовились и наши войска. И наши приняли решение ударить по фашистам именно здесь, в районе Курского выступа. Ставка Верховного Главнокомандования рассматривала вопрос: наступать первыми или выждать? Решили — выждать. План у советских войск был такой: пусть первыми ударят фашисты, мы их сдержим, обессилим в упорных оборонительных боях, а затем, выбрав удобный момент, сами перейдём в наступление.

Такое ведение войны называется контрнаступлением. Утвердила Ставка Верховного Главнокомандования этот план.

Наступление под Курском фашисты начали с двух направлений. Они наносили удар по Курску с севера, со стороны города Орла, и с юга, со стороны города Белгорода. Прорваться к Курску, захватить в огромный мешок советские войска, которые находились на Курском выступе, разбить, уничтожить, пленить эти войска — таковы намерения у фашистов.

Дождались фашисты новой военной техники. Во время Курской битвы у них появились сразу два новых танка. Один из них фашисты называли «тигр», второй — «пантера». Была у врагов и ещё одна новинка — самоходное очень мощное орудие «фердинанд». Началась битва. Пошли в атаку «тигры», «пантеры» и «фердинанды».

Не приметно ничем селение Ольховатка: поле, овраги, ручьи в оврагах. Метры родной земли. Грозный бой развернулся на этих метрах.

С севера, со стороны Орла, фашисты направили удар на Ольховатку.

В числе войск, сражавшихся под Ольховаткой, находился истребительно-противотанковый полк. Служили в полку два брата: Никита Забродин и Степан Забродин. Оба рослые. Оба красивые. Сержанты оба. Один и другой командиры орудий. Родом они из Сибири. Работали до войны звероловами.

Знают солдаты в полку, что у фашистов «тигры», «пантеры» и «фердинанды». Смеются солдаты, кивают братьям:

— По вашей, выходит, части.

— Верно, по нашей, — сказал Степан.

— Согласен, по нашей, — сказал Никита.

Заработали их расчёты.

Лихо сражался Степан Забродин. Не торопился, стрелял с умом. Не бил в лобовую броню. Метил противнику в бок. Тут у танков броня не такая толстая. Выходят из строя «тигры».

Не уступает брату и Никита Забродин. Ловок в бою Никита. Этому больше везёт в «пантерах». Выстрел. Выстрел. И снова выстрел. Замирают в прыжках «пантеры».

А слева и справа другие стоят солдаты. И у этих в бою удача. Однако у Забродиных всё же больше. Три танка подбил Степан. Три танка подбил Никита.

— Звероловы, как есть звероловы, — смеются солдаты.

Под Ольховаткой были в героях не только одни Забродины. Многие там отличились. И артиллеристы, и наши танкисты, и пехотинцы, и авиаторы. Не взяли враги Ольховатку. Отстояли её солдаты.

ОСОБЫЕ

Не смогли фашисты через Ольховатку на Курск прорваться, повернули на станцию Поныри.

Здесь, как и под Ольховаткой, вновь много советских бойцов отличилось. Был в их числе и артиллерийский расчёт, которым командовал ефрейтор Кузьма Андреевич Зуев.

На время боя орудие Зуева было придано небольшому пехотному подразделению. Прибыла пушка в подразделение.

Окружили её солдаты.

Среди пехотинцев много совсем молодых бойцов. Есть и такие, которые пушку впервые так близко видят. Смотрят солдаты: кто издали, кто ближе подходит. А один и вовсе шагнул к орудю. Колёса потрогал, пощупал лафет, ствол, словно по шее коня, похлопал. Обратился к артиллеристам:

— Здорово лупит?

— Молния-гром!

Замаскировали артиллеристы орудие, установили так, чтобы фашисты не сразу его заметили, приготовились к бою.

Вот и фашистские танки пошли в атаку. Выжидают артиллеристы.
Выжидают бойцы в окопах.

Ближе танки. Всё ближе.

«Чего не стреляют?! Чего не стреляют!» — тревога прошла в окопах.

И вот ударила грозно пушка. Считают огонь солдаты:

— Раз!

— Два!

— Три!

Посмотрели теперь на поле:

Раз.

Два.

Три.

Три фашистских танка стоят подбитыми. Прошёл по окопам восторженный гул:

— Вот так ребята!

— Вот так орудие!

— Молния-гром! — заключает тот самый, который пушку, словно по шее коня, похлопал.

Продолжается бой. Опять фашисты идут в атаку. Опять пушка огонь открыла. Смотрят солдаты — четыре новых танка стоят подбитыми. А за этими снова три.

И снова в окопах:

— Вот так расчёт!

— Глаз как алмаз!

— Пушка, братцы, у них особая!

— Да что там пушка — люди они особые!

Сказали бойцы и сглазили. Определили фашисты место, где стояла в укрытии наша пушка. Разбили фашисты советскую пушку.

Замолчала пушка. А фашисты идут и идут. Всё ближе они к нашим окопам.

Вступили пехотинцы теперь в сражение. Подпустили к окопам танки. Полетели гранаты в танки.

Наблюдают артиллеристы. Ловко бросают бойцы гранаты. Считают артиллеристы подбитые танки:

— Раз!

— Два!

— Три!

Не сдержались артиллеристы:

— Вот так ребята!

— Вот так гранаты!

Продолжается бой. Нелегка для фашистских танков схватка с героями. Вновь выходят из строя фашистские танки. К подбитым прибавляются новые. Считают артиллеристы и эти новые.

Не могут артиллеристы скрыть своего восторга:

— Вот так пехота!

— Глаз — ватерпас!

— Гранаты, братцы, у них особые.

— Да что гранаты — люди они особые!

Много под Понырями было солдат «особых», много «особых» гранат и пушек. Стойко стояли в боях солдаты. Сдержали они фашистов. Не прорвались и под Понырями фашисты к Курску. Снова бросились на Ольховатку. Непрístupна опять Ольховатка.

Рассчитывали фашисты отсюда, с севера, со стороны Орла, Ольховатки и Понырей быстро вперёд пробиться. А продвинулись всего лишь на десять двенадцать километров. Продвинулись. Остановились. Дальше к Курску пути закрыты.

ЖЕЛЕЗНЫЙ БАТАЛЬОН

Бой шёл у селения Крутой Лог. Это южнее Курска. Отсюда, со стороны Белгорода, наносили фашисты второй удар. Рвались они на Корочу, на

Обоянь, на Прохоровну. Здесь, у селения Крутой Лог, как раз в направлении на Корочу, держал оборону стрелковый батальон капитана Бельгина.

120 танков, в том числе 35 «тигров», обрушились на наши окопы.

— Противотанковые ружья к бою! Гранаты к бою! — командует капитан Бельгин.

Сдержали наши удар фашистов. Откатились назад фашисты.

Откатились. Чуть переждали. Снова идут в атаку. На этот раз за танками идёт пехота.

— Пропускай танки! — командует Бельгин.

Знают солдаты, что значит пропустить танки. Укрылись они в окопах. Проползли над ними фашистские танки. Поднялись бойцы, открыли огонь по фашистской пехоте. Беззащитной оказалась теперь пехота. Немалый урон нанёс батальон фашистам. Пока развернулись танки, пока пришли на помощь своим солдатам — защищать оказалось некого: легла под метким огнём советских стрелков вражеская пехота. Взялись наши солдаты теперь за танки. Достаётся фашистским танкам.

Удержали рубеж советские солдаты. Откатились назад фашисты.

Откатились фашисты. Чуть переждали. В третий раз начинают они атаку.

Опять пошли танки. Ревут моторы. За танками грозно идёт пехота.

— Пропускай танки! — снова дана команда.

Укрылись солдаты в окопах. Ждут, когда пройдут над головами танки.

— Сейчас пройдут, и тогда не зевай, — рассуждают солдаты.

— Снова покажем фашистам!

Всё ближе к окопам танки, всё ближе. И вдруг, подойдя к окопам, остановились танки. Остановились. Затем развернулись. И стали «утюжить», то есть ходить по нашим окопам. Ждут фашисты: вот-вот побегут из окопов советские солдаты.

— Ну как?

— Не бегут, — отвечают фашистам. — Держатся.

И верно — держатся.

Открыли тогда фашисты пулемётный огонь по окопам. Ждут фашисты: вот-вот побегут солдаты.

— Ну как?

— Не бегут, — отвечают фашистам. — Держатся.

И верно — держатся.

Но не только держались и удержались советские солдаты. Не прекращали с фашистами бой. Тридцать девять фашистских танков подорвали советские солдаты к концу сражения. Уничтожили без малого тысячу фашистов.

Отступили опять фашисты.

«Железным батальоном» назвали за этот бой батальон капитана Бельгина. Точное очень слово. Ищи, не найдёшь другого.

ГВАРДЕЙСКИЙ АППЕТИТ

Танкист лейтенант Бессарабов мечтал о «тигре», то есть мечтал в бою своим танком подбить фашиста. Отличный танкист Бессарабов. Как же ему без «тигра»!

Сражался Бессарабов южнее Курска, возле города Обояни. С особой силой тут рвались вперёд фашисты. Именно здесь больше всего и появилось фашистских «тигров».

Разгорелось сражение. И вот в самом его начале подбил Бессарабов танк. Правда, не «тигра». Подбил обычный. Поздравляют его товарищи. Подбить танк, хотя и обычный, случается тоже не каждый день.

— Не то, не то, — махнул огорчённо Бессарабов.

Продолжается бой. И снова подбил Бессарабов танк. Правда, не «тигра». Подбил обычный.

Поздравляют его товарищи. Не каждый день ведь такое случается, чтобы подбить два танка.

— Не то, не то, — опять о своём Бессарабов.

— «Тигра» он хочет, — смеётся лучший дружок Бессарабова лейтенант Гогоберидзе.

Не отпирается Бессарабов.

И вот в том же бою повстречал он «тигра». Столкнулись танки на встречных курсах, нос к носу, лобовая броня к броне.

Припал к орудию Бессарабов. Послал бронебойный снаряд по «тигру». Ударил снаряд в броню. Смотрит Бессарабов — не тронут «тигр». Отлетел от брони снаряд. Лишь искры, как из трамвайной дуги, посыпались. Снова Бессарабов пустил снаряд. И снова снаряд словно в слона горошина. Недоступной для наших танковых пушек была лобовая броня у «тигра».

Фашист ответно открыл огонь. Едва увернулся от «тигра» тогда Бессарабов. Едва от врага ушёл.

На следующий день под Обоянью вновь разгорелась битва. Бились упорно. И мы и фашисты. Железо сошло с железом. Сила ломала силу.

И вот — ура! — подбил Бессарабов «тигра». Стрелял не в лоб, как вчера, а в бок, где тоньше броня у танка.

Разгорячился боец в сражении. Рвётся он к центру боя. Вдруг видит рядом танк лейтенанта Гогоберидзе. Слышит по радиации голос друга:

— Что тебе, мало «тигра»?

— Мало! — кричит Бессарабов.

— Хочешь ещё?

— Хочу!

Усмехается Гогоберидзе:

— Наш аппетит, танкистский.

Подбил второго «тигра» танкист. Минута, вторая — горит и третий.

Поздравляют друзья Бессарабова:

— Наш аппетит, гвардейский!

Лейтенант Бессарабов был первым из советских танкистов, подбившим в одном бою три неприятельских «тигра». Потом и другие нашлись

умельцы. Уничтожали по три, по четыре «тигра». Однако первый есть всё-таки первый. Почёт всегда больше первому.

ТРУБКА

Старший лейтенант Алихан Гагкаев командовал артиллерийской батареей. Четыре орудия в батарее.

Любили батарейцы своего командира: молодой, всегда весёлый. Родом он был с Кавказа. О горах, водопадах любил лейтенант рассказывать, о милой своей Осетии.

Была у Гагкаева трубка — память о доме. Не расставался Гагкаев с трубкой. Сам не курил. Просто носил в кармане.

— В Берлине раскурим, — шутил Гагкаев.

Во время Курской битвы батарея Гагкаева сражалась южнее города Обояни. С редким упорством здесь рвались вперёд фашисты. Особенно возле села Яковлево у шоссе, ведущего из Белгорода на Курск. Тут и стояла батарея Гагкаева. Не она одна прикрывала шоссе. Левее, правее стояли другие. Но сложилось так, что один из главных ударов фашистов пришёлся как раз на батарею Гагкаева.

Держит Гагкаев по радиации связь с командиром полка майором Котенко.

— Вижу танки.

— Сколько?

— Десять.

Через минуту:

— Тридцать...

Семьдесят танков рвалось сюда на Яковлево.

Вступили солдаты в бой. Обрушили артиллеристы огонь на фашистские танки. Удачно они стреляли. Выходят из строя фашистские машины. Но бой есть бой. Тут взаимны всегда потери. Подбили фашисты одну из советских пушек. Было четыре, осталось три.

Продолжается жаркий бой. Снова выходят из строя фашистские танки. Но и снова потеря на батарее. Гибнет вторая пушка. Было четыре, осталось две. Но и две — это тоже сила.

— Как дела? — спрашивает по рации майор Котенко.

— Нормально, — отвечает ему Гагкаев.

Всё сильнее, всё упорнее бой. Бой есть бой. Снова потеря на батарее. Было четыре пушки. Одна осталась. Но и одна — это тоже сила.

— Как дела? — опять запрос от майора Котенко.

— Держимся, — отвечает ему Гагкаев.

Держатся герои. Не пропускают вперёд фашистов. Погибла последняя пушка. Взяли батарейцы гранаты в руки. Перешли к рукопашному бою.

— Как дела? — снова слышится голос майора Котенко.

— Нормально, — кричит Гагкаев. — Держимся. Перешли к рукопашному бою.

— Понял. Идём на помощь.

Прибыла помощь: танки, отряд пехоты. А с ними и сам Котенко. Повернулся к командиру полка Гагкаев. Руку поднёс к фуражке.

— Товарищ майор, держит рубеж батарея.

— Орлы! Молодцы! — похвалил Котенко.

Улыбнулся Гагкаев. Продолжает стоять, всё руки не отводит от фуражки, всё прижимает её к правому боку. И вдруг побледнел, качнулся и рухнул на землю. И только тут увидел майор Котенко — весь правый бок у артиллериста залит кровью. Бросились к нему батарейцы, наклонился майор Котенко.

— Держит рубеж бата... — вновь произнёс герой.

И больше ни слова. Мёртвым лежал Гагкаев.

Погиб Гагкаев. А трубка осталась. Сохранили её солдаты. Раскурили её батарейцы в Берлине. В день нашей победы. Как и мечтал Гагкаев.

ВАЛЬС ДОБРЯНСКОГО

Бой шёл в районе шоссе Белгород — Обоянь. Наступали фашистские танки. Впереди двигались «тигры».

Недалеко от наших окопов находился наблюдательный пункт. Два советских бойца, два солдата-разведчика, прижались к земле и следили за движением вражеских танков.

Один из «тигров» заметил советских воинов. Решили фашисты раздавить наших солдат. Направили танк на разведчиков. Ползёт, как утюг, машина. Всё ближе, всё ближе. Занял полполя, занял полнеба. Секунда, вторая. Рывок — и всё.

Не выдержал один из бойцов. Вскочил с земли, побежал по полю. Фашисты открыли пулемётный огонь. Рухнул солдат на землю.

Второй же боец — Анатолий Добрянский остался лежать на месте. Подошёл к нему вражеский танк, только подмять собрался, как вдруг

вскочил Добрянский. Метнулся к танку. Прижался к «тигру», к борту, к его броне.

Смотрят из окопов бойцы на Добрянского:

— Хитрец!

— Мудрец!

Неуязвимый для «тигра», для его пулемётов оказался теперь Добрянский.

Тогда фашистский танк начал кружить по полю. Пытается он раздавить смельчака. Но и вправду смышлёный солдат Добрянский. Кружит он вместе с танком, не отрывается от брони.

И снова доносится из окопов:

— Герой!

— Молодец!

Кружил Добрянский вместе с танком, кружил, вдруг видит рядом окоп. Прыгнул в окоп Добрянский, укрылся от страшной смерти.

Смотрят фашисты. Где же боец? Провалился под землю? Бронёй придавлен? Увидели окоп. Вот где солдат укрылся. Примяли, притоптали танком окоп фашисты. Дальше пошли по полю.

Решили фашисты — погиб солдат. А Добрянский цел, невредим. Поднялся, швырнул бутылку с горючей жидкостью. Точно бросал боец. Попал в уходящий фашистский танк. Прямо туда, где с горючим баки.

Вспыхнул фашистский танк, как факел.

Смеялись потом бойцы, вспоминая, как Добрянский с танком кружил по полю.

— Здорово ты вальсировал!

— Кавалер из тебя заправский!

Подвиг рядового Добрянского для многих бойцов послужил наукой. Даже специально в частях изучали, как лучше, если возникнет во время боя надобность, вплотную прижаться к танку.

Идут у бойцов занятия.

— Что изучаете?

— Науку военную.

— Как называется?

— Вальс Добрянского.

ГОРОВЕЦ

Эскадрилья советских истребителей завершала боевой вылет. Прикрывали лётчики с воздуха южнее Курска в районе Ольховатки (это вторая — южная Ольховатка) наземные наши части. И вот теперь возвращались к себе на базу.

Последним в строю летел лейтенант Александр Горовец. Всё хорошо. Исправно гудит мотор. Стрелки приборов застыли на нужных метках. Летит Горовец. Знает — впереди лишь минутный отдых. Посадка. Заправка. И снова в воздух. Нелегко авиации в эти дни. Битва не только гремит на земле поднялась этажами в воздух.

Летит Горовец, небо окинет взглядом, взглядом проверит землю. Вдруг видит — летят самолёты: чуть сзади, чуть в стороне. Присмотрелся фашистские бомбардировщики.

Начал лётчик кричать своим. Не ответил никто из наших. Сплюнул пилот в досаде. Зло посмотрел на рацию. Не работает, смолкла рация.

Идут фашистские бомбардировщики курсом к нашим наземным позициям. Там и обрушат смертельный груз.

Подумал секунду лейтенант Горовец. Затем развернул самолёт и устремился к врагам навстречу.

Врезался лётчик в фашистский строй. Первой атакой пошёл на ведущего. Стремительным был удар. Секунда. Вторая. Ура! Вспыхнул свечой ведущий.

Развернулся лейтенант Горовец, на второго фашиста бросился. Ура! И этот рухнул.

Рванулся к третьему. Падают третий.

Расстроился строй фашистов. Атакуют врагов Горовец. Снова заход и снова.

Четвёртый упал фашист.

Вспыхнул пятый.

Шестой!

Седьмой!

Уходят фашисты.

Но и это ещё не всё. Не отпускает врагов Горовец. Бросился вслед. Вот восьмой самолёт в прицеле. Вот и он задымил, как факел. Секунда. Секунда.

И сбит самолёт девятый.

Бой лётчика Горовца был уникальным, неповторимым. Много подвигов совершили советские лётчики в небе. Сбивали в одном полёте по три, по четыре, по пять и даже по шесть фашистов. Но чтобы девять! Нет. Такого не было. Ни до Горовца. Ни после. Ни у нас. Ни в одной из других воюющих армий. Лейтенант Горовец стал Героем Советского Союза.

Не вернулся из полёта лейтенант Александр Константинович Горовец. Уже на обратном пути к аэродрому набросились на героя четыре фашистских истребителя.

Погиб лейтенант Горовец.

А подвиг живёт. И рассказы о нём ходят как быль, как сказка.

ТРИ ПОДВИГА

Многие советские лётчики отличились в боях под Курском.

Весной 1942 года в тяжёлых схватках на Северо-Западном фронте в воздушном бою один из советских лётчиков был тяжело ранен, а его самолёт подбит. Лётчик опустился на территорию, занятую врагом. Он оказался один в лесной глуши. Лётчик стал лицом к востоку и начал пробираться к своим. Он шёл сквозь снежные сугробы, один, без людей, без еды.

Солнце садилось и восходило.

А он шёл и шёл.

Болели раны. Но он преодолевал боль.

Он шёл и шёл.

Когда силы его покидали, он продолжал ползти.

Метр за метром. Сантиметр за сантиметром.

Он не сдавался.

Солнце всходило и садилось.

А он шёл и шёл.

Он совершил подвиг и дошёл до своих.

На восемнадцатые сутки, измождённого и обмороженного, его подобрали партизаны. На самолёте он был доставлен в госпиталь. И тут самое страшное — неумолимый приговор врачей: необходима операция. Лётчик обморожен.

Лётчик лишился ног.

Но лётчик хотел летать. Хотел продолжать бить ненавистного врага.

И вот он совершает второй свой подвиг. Лётчику сделали протезы. Он начал тренироваться ходить с костылями, а затем... без костылей.

Теперь он упросил врачей разрешить сесть ему в самолёт. Он был настойчив, и врачи уступили. Лётчик снова на лётном поле. Вот он в кабине. Он снова в воздухе.

И опять тренировки, тренировки, бесчисленные тренировки.

Его проверили самые придирчивые экзаменаторы и разрешили летать.

— Только в тылу, — сказали лётчику.

Лётчик упросил отправить его на фронт.

Лётчик упросил доверить ему истребитель.

Он прибыл под Курск незадолго до начала Курской битвы. По первой же тревоге он поднялся в воздух.

Тут под Курском он совершил свой третий подвиг. В первых же боях он сбил три вражеских самолёта.

Этот лётчик известен всей стране. Имя его — Алексей Петрович Маресьев. Он Герой Советского Союза. О нём написана прекрасная книга. Автор её — писатель Борис Полевой. «Повесть о настоящем человеке» называется эта книга.

ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ

Гудит, грохочет металлом битва. Сошлись две силы на русском поле. Лавина стали сошлась с лавиной. Смешались в схватке огонь и люди. Зловещей гарью покрылось небо.

12 июля 1943 года под селением Прохоровка, южнее Курска, произошло величайшее во всей истории Великой Отечественной войны танковое сражение. Почти 1200 боевых машин и самоходных орудий приняло участие в этом небывалом сражении.

Через Прохоровку проходила железная дорога из Белгорода на Курск. Сюда и устремились теперь фашисты. Двигутся фашистские танки — «тигры», «пантеры» и самоходные орудия — «фердинанды» на Прохоровку. А в это время навстречу фашистам идёт советская танковая армия. Встретились танки. Вступили в бой.

Ворвались наши в ряды фашистов. Ближний бой выгоден нашим танкам. В ближнем бою теряют фашистские «тигры» своё преимущество. С близкого расстояния легче у «тигра» пробить броню, легче зайти и ударить сбоку.

Умело бьются советские танкисты. Достаётся фашистским «тиграм». Но и наши несут потери. Разгорается ярче битва.

На помощь танкам пришли самолёты. Повисли они над полем. Истребители, штурмовики, бомбардировщики. Наши и фашистские — смешались в небе. И там под солнцем грохочет битва.

На помощь танкам пришла артиллерия. Наша и фашистская. Бьют пушки прямой наводкой. Стойко стоят расчёты. Снаряды дырявят небо и землю.

Солнце давно в зените. В полном разгаре битва.

Плацдарм, на котором идёт сражение, совсем невелик. Река Псёл с одной стороны. С другой — железнодорожная насыпь. С трудом разместилось здесь столько танков. Тесно машинам на тесном поле. Чуть ли не трутся они бортами. Всё больше, всё больше подбитых танков. Кострами пылают поле — то догорают танки. Дым над землёй поднялся, завесой окутал поле. Солнце в чаду, в тумане, словно чадру надело.

Не утихает, грохочет битва. Самолёты всё так же в небе. Всё так же не умолкает раскат орудий.

...Клонилось солнце к траве, к закату. Устали люди, земля и небо. А бой всё шёл, всё не кончался. И оставалось пока неясным, кому быть в первых, за

кем здесь сила. Но вот над полем пронеслось: отходят «тигры». И вслед за этим как гром:

— Победа!

Проиграли фашисты танковое сражение под Прохоровкой. Был восьмой день Курской битвы. «Чёрным днём» назвали его фашисты.

Наступление на юге от Курска, так же как и на севере, закончилось для фашистов полным провалом. Всего лишь на 35 километров смогли здесь фашисты вперёд продвинуться. Остановили и тут наши войска фашистов.

НИКОЛАЕВ

Механик-водитель старший сержант Александр Николаев в Прохоровском сражении вёл в бой танк капитана Скрипкина.

— Вперёд! Ближе к фашистам! Ближе! — командует Скрипкин.

Сошлись наши с фашистскими танками. Сидит за рычагами танка старший сержант Николаев. Точно выполняет команды. Скрипкина.

— Правее! — кричит капитан.

Повернул Николаев правее танк. И тут же перед глазами вырос борт фашистского «тигра». Ударил из пушки стрелок по «тигру». Задымил, запылал фашист.

— Левее! Бери левее! — командует Скрипкин.

Повернул Николаев влево. И снова рядом фашистский танк. Ударил стрелок и по этому «тигру».

— Есть! — закричал стрелок.

Неплохое совсем начало. Продолжают танкисты бой.

Шагает танк Скрипкина, ищет врага прицелом. Нашёл.

— Выстрел!

— Выстрел!

Да мимо оба. Ушёл, увернулся фашистский танк.

Продолжают танкисты бой.

Ползёт танк Скрипкина. Ищет врага прицелом. Но и фашисты Скрипкина тоже ищут.

Опередили фашисты наших:

— Выстрел!

— Выстрел!

Да мимо оба. Сманивировал, ушёл от удара советский танк.

Снова в бою танкисты. Ищут врага прицелом. Но и фашисты Скрипкина тоже ищут. Окружили танк Скрипкина сразу четыре фашистских танка. Подождли фашисты советский танк. Ранили осколком капитана Скрипкина.

Вынесли старший сержант Николаев и радист командира из танка, укрылись рядом в большой воронке.

Не утихает кругом сражение. В самом разгаре битва.

Вдруг видит Николаев, что один из «тигров» движется к воронке. Ясно Николаеву: заметили их фашисты, минута — всему конец. Раздавят советских солдат фашисты.

Рванулись мысли:

«Быстрее — гранату!»

Нет у бойца гранаты.

«Бутылку с горючей смесью!»

Нет у бойца бутылки.

Глянул сержант Николаев на «тигра», потом на свой, на горящий танк. Секунда. Рванулся к танку. Вскочил на башню. Скользнул сквозь пламя. Метнулся в люк. Проверил: мотор исправен, ход не нарушен. Фыркнул, дрогнул и ожил танк. Рванулся с места. Развил он скорость и в лоб на «тигра», как молот в кузне. Удар был мощным. Удар — разящий. На месте «тигра» — металл горящий...

Погиб Николаев, но спас товарищей. И подвиг этот хранит История.

ДОБРЫНЯ

Нечастое имя сейчас Добрыня. Когда-то оно гремело.

В одном из гвардейских полков, незадолго до Курской битвы, принимали бойцы пополнение. Разные люди здесь в пополнении. Кто зелен, молод. В годах другие. Кто из колхоза, кто прибыл с завода, кто из резерва, кто из запаса, каждый третий после ранений, прямо с госпитальной койки.

Разные здесь в пополнении. Кто тёмный, кто светлый. Кто рослый, кто низкий. Кто тонкий, кто плотный.

А вот и ещё один. Гимнастёрка — едва до пояса. Грудь в человеческих три обхвата.

— Добрынин, — солдат представился.

Кто-то сказал:

— Добрыня!

Так и пристало к нему Добрыня. В честь Добрыни Никитича — былинного богатыря.

Запылала Курская битва.

Рвались фашисты на Ольховатку. С севера от Орла пробивали дорогу к Курску. Встретил здесь грудью врага Добрыня. Сотни танков ползли на героев. Оказались бойцы сильнее. Задержали они фашистов.

Потом под Поньями его увидели.

— Братцы, смотри — Добрыня!

Нелегко здесь давалась битва. Не пробилась фашисты у Ольховатки. На Поньри тараном стальным обрушились.

Отстоял Поньри Добрыня.

Затем под Обоянью его заметили. Здесь с юга, со стороны Белгорода, наносили по Курску фашисты второй удар. Страшной была здесь битва.

Бьются солдаты, и вдруг:

— Братцы, смотри — Добрыня!

— Да какой вам Добрыня! При чём Добрыня?! Под Поньями, под Ольховаткой сейчас Добрыня. На север от Курска бьётся.

— Да нет же, смотри — Добрыня!

Присмотрелись солдаты: Добрыня, верно.

Не пробилась фашисты под Обоянью. Новый рывок — на Прохоровку. Смешались в схватке огонь и люди.

— Смотри — Добрыня! — вдруг слышен голос.

— Какой Добрыня?!

— Да нет же, верно. Смотри — Добрыня!

Сдержали наши напор фашистов. Не подпустили и с юга к Курску. Сдержали, смяли, хребет сломили: и там, где север, и здесь, на юге.

Началось советское контрнаступление. Погнали наши врага на запад. Идут в победном строю солдаты:

— Братцы, смотри — Добрыня!

Смотрят солдаты: и верно — идёт Добрыня. По курской, по русской земле идёт.

КУРСКИЕ СОЛОВЬИ

Побывайте под Курском в мае. Заливаются, щёлкают курские соловьи.

В Курской битве вместе с другими войсками сражались и подразделения гвардейских миномётов. Гвардейские миномёты — это знаменитые «катюши».

В первые дни войны у нас было всего лишь несколько «катюш». В Курской битве принимали участие уже целые части и соединения.

Любили солдаты огонь «катюш». Уважали лихих миномётчиков. Летели снаряды «катюш» с характерным и звонким свистом. Всего милее солдатскому сердцу был этот свист. Вот и прозвали бойцы солдат-миномётчиков курскими соловьями.

Началась Курская битва. Засвистали, защёлкали курские соловьи. Били фашистов в дни наступления. Били и после, когда наши, сдержав фашистов, сами пошли вперёд.

Особенно досталось фашистам от наших «катюш» в боях южнее города Обояни. Здесь, рядом с шоссе, идущим на Обоянь из Белгорода, расположился гвардейский миномётный полк полковника Бондаренко.

Стояли «катюши» в засаде. Ждали команды к бою. Вдоль шоссе на Обоянь наступали фашистские танки. Словно железная стена надвигалась. Нет, казалось, врагу преграды.

Тут и грянул раскат «катюш». Отстрелялись «катюши», откланялись. В грудях металла поле.

Приехал к месту боя командующий.

— Молодцы. Хороша работа. Кто пропел тут фашистам песню?

Отвечают ему:

— Курские соловьи.

В новом месте пытались фашисты затем прорваться. Шла пехота и снова танки. Но и здесь «катюши» в засадах были. Отстрелялись «катюши», откланялись. Не прошли здесь фашисты. Бежит пехота. В степи догорают танки.

В третьем, в четвёртом — во многих местах под Курском сражались тогда «катюши». В числе первых пошли они и в контрнаступление. Едут по полю гвардейские миномёты. Меняют полки позиции. Снова грохочут залпы. Слышат солдаты залпы — в улыбках душа и лица:

— Наши запели.

— Наши.

От солдата идёт к солдату:

— Курские соловьи!

ГЕНЕРАЛЫ ПРОТИВ ФЕЛЬДМАРШАЛОВ

Курский выступ обороняли два фронта. Севернее Курска располагался Центральный фронт. Им командовал генерал Константин Константинович Рокоссовский.

Во многих сражениях прославился Рокоссовский. Он был в числе тех, кто задержал врагов под Смоленском, среди тех, кто громил под Москвой фашистов. Рокоссовский командовал советскими армиями, окончательно разгромившими фашистов под Сталинградом. Это его войска пленили фельдмаршала Паулюса.

Знали солдаты генерала Рокоссовского. Любили и уважали его.

Южнее Курска находился Воронежский фронт. Командовал этим фронтом генерал Николай Фёдорович Ватутин.

И Ватутин генерал прославленный. Это он командовал под Сталинградом Юго-Западным фронтом. Именно этот фронт начал тогда первым сокрушительный удар по фашистам. Это он вместе с другим фронтом — Сталинградским окружил фашистскую армию между Доном и Волгой.

Против наших фронтов на Курском выступе стояли гитлеровские войска, которые составили две группы армий. Это группа армий «Центр» и группа армий «Юг».

Фашистские войска из группы армий «Центр» сражались против войск генерала Рокоссовского. Командовал этой группой фашистский фельдмаршал фон Клюге.

Войска из группы армий «Юг» сражались против войск генерала Ватутина. Командовал этой группой фашистский фельдмаршал Манштейн. В 1943 году он клялся освободить фашистскую армию, окружённую под Сталинградом.

Знают наши солдаты, что против советских генералов на Курской дуге сражаются фашистские фельдмаршалы.

— Посмотрим. Посмотрим. Ну, берегись, фельдмаршалы!

Стали солдаты вспоминать, где и когда уже встречались Рокоссовский и Ватутин с Манштейном и Клюге.

— Против Рокоссовского — Клюге. Так, так!

Припомнили солдаты, что в 1941 году фон Клюге был в числе тех фашистских фельдмаршалов, которые со своими войсками наступали на Москву. Побили наши войска тогда и фон Клюге, и других фашистских фельдмаршалов.

Стали вспоминать солдаты, кто бил. Вспомнили генерала Жукова, вспомнили генерала Говорова. Вспомнили и Рокоссовского.

Заговорили солдаты затем о Манштейне.

— Манштейн против Ватутина. Так, так!

Вспомнили солдаты Сталинград, начало 1943 года, неудачную попытку фельдмаршала Манштейна прийти на помощь фельдмаршалу Паулюсу.

Побили наши тогда Манштейна.

Стали солдаты вспоминать, кто побил. В числе тех, кто побил Манштейна, был и генерал Ватутин.

— Били наши генералы уже фельдмаршалов. Били, — сделали солдаты вывод. — Побьют и под Курском, — заключили солдаты.

Не ошиблись солдаты. Побили советские генералы фашистских фельдмаршалов.

ОГОРОДНИКИ

Было это незадолго до Курской битвы. В стрелковую часть прибыло пополнение.

Старшина обходил бойцов. Шагает вдоль строя. Рядом идёт ефрейтор. Держит карандаш и блокнот в руках.

Глянул старшина на первого из бойцов:

— Картошку сажать умеешь?

Боец смутился, пожал плечами.

Дальше шагнул старшина:

— Картошку сажать умеешь?

— Умею! — звонко сказал солдат.

— Два шага вперёд.

Вышел солдат из строя.

— Пиши в огородники, — сказал старшина ефрейтору.

Дальше идёт старшина:

— Картошку сажать умеешь?

— Умею.

— Умею.

— Не пробовал.

— Умею.

— Не приходилось, но если надо...

— Умею.

— Умею.

— Хватит, — сказал старшина.

Вышли вперёд бойцы. Оказался в строю умеющих и солдат Анатолий Скурко. Гадают солдат Скурко: куда это их, умеющих? «Картошку сажать — так по времени поздно. (Уже вовсю заиграло лето.) Если её копать, то по времени очень рано».

Гадают солдат Скурко. И другие бойцы гадают:

— Картошку сажать?

— Морковку сеять?

— Огурцы для штабной столовой?

Посмотрел на солдат старшина.

— Ну что же, — сказал старшина. — Отныне вам быть в минёрах, — и вручает солдатам мины.

Приметил лихой старшина, что тот, кто умеет сажать картофель, быстрее и надёжнее ставит мины.

Усмехнулся солдат Скурко. Не сдержали улыбки и другие солдаты.

Приступили к делам огородники. Конечно, не сразу, не в тот же миг. Ставить мины не такое простое дело. Специальную тренировку прошли солдаты.

На многие километры на север, на юг, на запад от Курска протянули минёры минные поля и заслоны. Только в первый день Курской битвы на этих полях и заслонах подорвалось более ста фашистских танков и самоходных орудий.

Идут минёры.

— Ну как, огородники?

— Полный во всём порядок.

МОСКВА — ИРКУТСК

И это было до Курской битвы. Рыли солдаты траншеи, окопы, укрепляли подходы к Курску.

Бросают солдаты землю.

Вдруг — автомашина «виллис». Из штаба фронта. Остановился «виллис». Вышли двое. Один из приехавших — капитан. Признали его солдаты: военный инженер из штаба Центрального фронта.

Интересно солдатам: сколько ж отрыли они окопов? Обратились к штабисту:

— Инженер-капитан, сколько же мы отрыли?

Достал капитан блокнот. Раскрыл. На пометку какую-то глянул. Что-то в уме прикинул.

— От Москвы до Рязани, — сказал капитан. Оказался как раз капитан из тех, кто для наглядности любил прибегать к сравнениям.

— До Рязани?! — сорвалось солдатское удивление.

— До Рязани, — сказал капитан.

Осмотрел капитан окопы. Какие-то записи сделал. Уехал проворный «виллис».

Снова солдаты лопаты в руки. Дальше ползут окопы.

Через какое-то время снова приехал сюда капитан. И снова солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли отрыли?

Достал капитан блокнот. На пометку какую-то снова глянул. Что-то в уме прикинул.

— От Москвы до Казани, — сказал капитан.

— До Казани?! — удивляются опять солдаты.

— До Казани, — подтвердил капитан.

Осмотрел капитан окопы. Осмотрел, обошёл округу. Какие-то записи снова сделал. Умчался ракетой «виллис».

Снова солдаты за работу. Снова умылись потом. Дальше ползут окопы.

И в третий раз приезжал капитан, и в четвёртый. Затем и в пятый. И каждый раз солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли прорыли?

— От Москвы до Свердловска, — сказал капитан в третий раз.

Довольны солдаты:

— Значит, Урал пошёл!

— Урал, — соглашается капитан.

— От Москвы до Тюмени, — сказал в четвёртый.

Смеются солдаты:

— Значит, Сибирь пошла!

— Сибирь, — соглашается капитан.

— От Москвы до Иркутска, — сказал капитан, когда завершили солдаты свою работу.

Довольны солдаты:

— До Байкала, никак, прорыли. Здравствуй, старик Байкал!

Пять тысяч километров траншей и окопов прорыли солдаты, готовясь к битве под Курском.

И это только на одном, на Центральном фронте. А ведь рядом, на юг, на север от Курска, другие фронты стояли: Воронежский, Брянский, Степной, Юго-Западный, Западный...

Да и не только одни окопы солдаты рыли. Наводили минные поля, строили доты и дзоты, устанавливали проволочные заграждения, возводили различные инженерные сооружения, создавали целые оборонительные районы. Много труда, много усилий.

Знают солдаты: война есть не только подвиг на поле брани. Подвиг труда и подвиг в труде здесь в той же великой мере.

Смеются солдаты:

— Мы этих окопов за всю войну, считай, до небес, до самой Луны и назад прорыли.

— До Марса, считай!

— До Юпитера!

Окопы, окопы. Мозоли солдатские. Ещё одна дань войне.

ОБИДА

Во время Курского сражения советскими войсками было взято в плен более двадцати фашистских генералов.

Солдат Каюров в боях заслужен. С минуты первой солдат на фронте. И вот Каюров в большой обиде.

Ворчит Каюров:

— Подумать только! Мальчишка прибыл. Лишь день воюет. Не видел лиха. Не нюхал смерти. И вдруг такое!

Солдат Неверов и вправду молод. Лишь день как в роте. Птенец, и только. И вдруг такое!

— Нет правды в мире, — ворчит Каюров.

Так в чём же дело?!

На диво роте, на диво части привёл Неверов в плен генерала.

Фашист сверхважный. Кресты, погоны. Штаны в лампасах. Фуражка с крабом. Идёт как аист. Как коршун смотрит.

Бурчит Каюров:

— Где справедливость!

Достал Каюров кисет, махорку. Свернул сигарку. Затяжку сделал.

Отхож Каюров. Душой не злобен.

Остыл Каюров. И вспомнил время. Совсем другое. Тот год зловещий. То лето злое. В тот час тяжёлый на вес бриллианта был каждый пленный. Тогда ефрейтор казался дивом. А нынче гляньте: в плен генерала ведёт Неверов. Неверов — в плен генерала.

Вздыхнул Каюров солдатской грудью. Вот отошла обида льдиной. И ветерану стал мил и дорог птенец Неверов, что день на фронте. Птенец Неверов и это время.

Другое время. Другие были.

ПАМЯТЬ

Среди Брянских лесов, пробивая на запад путь, речка бежит Нерусса. Хороши места на Неруссе. Берёзы стоят и ели. Кручи к воде сбегают.

В одном месте над Неруссой видна могила. Светло-серая пирамидка поднялась к небу. Сверху над пирамидкой пятиконечная звезда. Ограда вокруг могилы. Цветы на могильном холмике. Здесь похоронен Авдеенков.

Рядом с могилой железнодорожное полотно. Мост переброшен через Неруссу.

Сергей Авдеенков был партизаном. Много здесь в Брянских лесах было тогда партизанских отрядов. Во время Курской битвы тут находились тылы фашистов.

Огромное количество боеприпасов, горючего, продовольствия, разного военного снаряжения необходимо войскам на фронте. Идут по фашистским тылам:

составы,

машины,

обозы.

Доставляют фашисты к фронту разные важные, разные срочные, военные всякие грузы.

Идут составы, идут обозы. Только к месту цели не все доходят. Встречают их на пути партизаны

взрывают,

сжигают,

уничтожают.

Там, далеко за линией фронта, в тылу у фашистов громят фашистов советские партизаны. Помогают советскому фронту.

Получили партизаны задание уничтожить мост на реке Неруссе.

Старшим пошёл Авдеенков.

Перед началом операции партизаны послали вперёд разведку.

Подготовили группу захвата, группу прикрытия. Договорились, кому укладывать тол на мосту, кому ставить мины, кому взрывать.

Подшли к мосту вечером. Подползли совсем близко. Открыли огонь. Убрали охрану.

Сергей Авдеенков повёл минёров. Поднялись на мост. Всё шло успешно. Стали укладывать тол. Приготовили мины. Ещё секунда, совсем немного, вставят запал минёры. Отойдут, отбегут от моста. Раздастся гигантский взрыв. Рухнет махина в воду. Всё точно идёт по плану.

И вдруг ударил по подрывникам пулемёт. То ли охрана моста оказалась не вся перебита, то ли явилась к фашистам помощь. Пули ранили Сергея Авдеенкова. Он вскрикнул от боли, упал, затем приподнялся. Глянул по сторонам, видит — погибли все на мосту. В живых он лишь один остался. А неприятельский пулемёт всё не умолкает.

— Беги! Беги! — закричали Авдеенкову товарищи, те, что прикрывали внизу подрывников.

Но Сергей Авдеенков не тронулся с места. Выхватил он гранату. Размахнулся и бросил туда — на приготовленный к взрыву тол.

Страшный грохот прошёл над лесом. Мост вздрогнул, приподнялся и, увлекая Сергея Авдеенкова, со страшным шумом упал в Неруссу.

...Горным потоком промчались годы. Вновь над Неруссой бегут составы. Взлетают на мост вагоны. И в ту же минуту — гудок над составом. То память о прошлом пронзает небо. То низкий поклон герою.

ХОРОШИ У ГИГАНТА ЛАПЫ

Партизаны!

Как огня боялись фашисты народных мстителей. Перед началом Курской битвы фашисты приняли решение уничтожить партизан, которые действовали у них в тылу в Брянских лесах.

Направили против партизанских отрядов фашисты свои войска. Не роту, не батальон. Целую дивизию.

Втянулась дивизия в бой.

Мало одной дивизии.

Добавили вторую.

Мало.

Добавили третью. Затем — четвёртую, пятую, шестую. Потом добавили танковую дивизию. Затем прислали сюда самолёты. Не пять, не десять. А целых сто.

Но и этого было мало.

Почти целую армию пришлось снять фашистам с фронта и направить её в Брянские леса.

Командующим войсками, действующими против партизан в Брянских лесах, был назначен генерал-лейтенант Борнеманн.

Ведут фашисты борьбу с партизанами. Поступают к Борнеманну радостные доклады: мол, и в одном, и в другом, и в пятом, и в десятом месте уничтожены брянские партизаны.

— Уничтожены!

— Уничтожены!

— Уничтожены!

Докладывают Борнеманну: всё спокойно кругом, всё тихо, тише быть не может.

Выехал Борнеманн на проверку. Плавно бежит машина. Достигла соседнего поля. Поравнялась с соседним лесом. Всё спокойно кругом. Всё тихо.

Приятно смотреть на кусты, на дубы, на ели. Вот он, загадочный Брянский лес. Птицы щебечут, укрывшись в кронах. Солнце сквозь листья бросает жемчужный свет.

Едет машина. Вот дуб-богатырь появился справа. Вот ель-великан появилась слева.

Залюбовался каратель елью. Хороши у гиганта лапы.

И вдруг! Что такое? Расступились хвойные лапы. Поднялись на генерала в упор автоматы. Просвистали, прощёлкали пули. Вновь сомкнулись у ели ветви. Вновь тишина на лесной дороге...

В машине, в портфеле у генерала, партизаны обнаружили очень важные документы. Были здесь и приказы из Берлина, и секретные штабные бумаги, и карты, и тоже секретные и даже особо секретные, как раз именно те, на которых указывалось расположение фашистских войск в самом преддверии Курской битвы.

В тот же день партизаны связались с нашими войсками, и портфель генерала Борнеманна специальным самолётом был отправлен в Москву.

Много отважных подвигов совершили брянские партизаны, помогая героям Курской битвы. Они и сами были её героями.

ВНИЗ И ВВЕРХ

Полковник Шлиффен полком командовал. С полком и встретил час Курской битвы.

Во время Курского сражения фашисты несли огромные потери. Не составлял исключения и полк Шлиффена. И он утрушен. И он урезан. Прошло два дня, а полк, как ельник, войной разрезан.

Сосчитали в полку уцелевших. Как раз батальон набрался. Вызвал Шлиффена генерал. Явился полковник на зов начальства.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

Долго кричал генерал на Шлиффена. Слова говорил обидные. Хотел обвинить в измене. Кончилось тем, что из остатков полка батальон составили. Хотя и остался полковник в чине, однако батальоном теперь командует.

Продолжается Курская битва. Несладки дела у Шлиффена. От батальона рота едва осталась. Вызвал Шлиффена генерал. Явился полковник на зов начальства.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

Долго кричал генерал на Шлиффена. Словами стегал обидными. Хотел обвинить в измене. Кончилось тем, что из батальона роту теперь составили. Хотя и остался полковник в чине, однако ротой теперь командует.

Сдержали наши напор фашистов. Начали контрнаступление. Растут у фашистов опять потери, редуют полки и роты, как кроны берёзок в студёную осень.

Отступает с войсками Шлиффен. Подводит итог по роте. В роте не больше взвода. Вот он взводом уже командует. Спускается Шлиффен всё ниже и ниже. Отделением уже командует. Ещё бы шаг...

Разорвало советским снарядом Шлиффена.

Там же, под Курском, сражался ефрейтор Хупке. Улыбнулась судьба солдату. Не думал Хупке совсем об этом. Не мечтал о продвижении вверх по службе. Был он ефрейтором. Был доволен. И вот чудеса приключились с Хупке.

В первый же день Курской битвы погиб командир отделения, в котором служил Хупке.

С этого всё началось.

Вызвал Хупке к себе лейтенант, командир их пехотного взвода. Прибыл Хупке на зов начальства.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

Посмотрел лейтенант на Хупке. Глазами от пола до чёлки солдатской смерил.

— Гут! — сказал лейтенант.

Назначили Хупке командовать отделением.

Продолжается Курская битва. Всё злее бои, всё страшнее потери. Не минуют они и полк, в котором сражается Хупке. И вот в бою погиб командир их взвода.

Вызвал Хупке к себе капитан, командир их пехотной роты. Прибыл Хупке.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

Посмотрел капитан на Хупке. Царапнул от чёлки солдатской до пола взглядом.

— Гут! — сказал капитан.

Назначили Хупке командовать взводом.

Началось наше контрнаступление. Снова потери несут фашисты. Много фашистов тогда погибло. Был убит и капитан, командир роты, в составе которой сражался Хупке. И ротный убит, и взводные все убиты. Из командиров в живых лишь Хупке один остался. Вызвал Хупке к себе майор, командир их пехотного батальона. Прибыл Хупке.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

И вот назначен Хупке командовать ротой.

Поднимается Хупке всё выше и выше. Батальоном уже командует. Ещё шаг — и получит полк. Да закончилось вдруг продвижение. Столкнулся их полк с «катюшами». Лёг, как трава на покосе, полк.

А как же Хупке? Жив, представьте, остался ефрейтор Хупке.

Сдался нашим солдатам в плен.

БЕРКУТ

Отступают фашисты. Отходят, отводят, спасают уцелевшие в боях под Курском военные части и боевую технику.

Преследуют, наносят по отходящим фашистам удары наши.

Было это у города Грайворона. В один из наших авиационных полков пришло от разведчиков донесение. Сообщали разведчики: в небе фашистские самолёты. Замкнули над чем-то круг. До самой земли пикируют.

Ясно командирам — атакуют фашисты какую-то нашу часть.

Послали командиры вперёд самолёты. Приказ: отогнать фашистов и взять под защиту советские подразделения.

Поднялись в воздух советские самолёты. В составе своей эскадрильи летел и лейтенант Абиш Куланбаев. Зорок, как беркут, Абиш Куланбаев. Достигли лётчики цели. Ринулись в атаку. Отогнали фашистов. Смотрят на землю: что там за части? Видят, идут колонны: танки, орудия, автомашины. И слева — колонны. И справа — колонны.

— Что за войска? — гадают лётчики. — Хозяйство Петрова? Хозяйство Смирнова? Танки майора Багир-оглы?

— Что за войска? — гадают и Абиш Куланбаев.

Зорок, как беркут, Абиш Куланбаев. Спустился он ниже, взгляделся. И вдруг: фашистские кресты на бортах у танков. «Так это не наши идут колонны! Это — фашисты!»

— Фашисты! — кричит Куланбаев.

Верно. Действительно, шли фашисты. А фашистские самолёты над ними кружили и их атаковали — так, для отвода глаз. Пойди сообрази, что на своих же они пикируют. На это и был у фашистов расчёт. Пытались нас обмануть. Увезти без потерь боевую технику.

Разобрались, однако, наши. Открыли по врагам ураганный артиллерийский огонь. Прилетели советские бомбардировщики. Подошли советские пехотинцы.

Не спасла фашистов фашистская хитрость. Разгромили фашистов наши.

Лейтенант Абиш Куланбаев ходил в героях.

— Беркут, беркут, — кругом шутили.

К боевой награде представили лётчика. Узнал о зоркости Куланбаева и генерал Ватутин. Как раз в составе фронта, которым командовал Ватутин, и сражался лейтенант Куланбаев. Утвердил генерал награду.

— Беркут, — сказал Ватутин.

НЕОБЫЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ

На хитрость врага отвечали и наши военной хитростью. Поражался Мокапка Зяблов. Непонятное что-то творилось у них на станции. Жил мальчик с дедом и бабушкой недалеко от города Суджи в небольшом рабочем посёлке при станции Локинской. Был сыном потомственного железнодорожника.

Любил Мокапка часами крутиться около станции. Особенно в эти дни. Один за одним приходят сюда эшелоны. Подвозят военную технику. Знает Мокапка, что победили фашистов наши войска под Курском. Гонят врагов на запад. Хоть и мал, да с умом Мокапка, видит — приходят сюда эшелоны. Понимает: значит, здесь, в этих местах, намечается дальнейшее наступление.

Идут эшелоны, пыхтят паровозы. Разгружают солдаты военный груз.

Крутился Мокапка как-то рядом с путями. Видит: новый пришёл эшелон. Танки стоят на платформах. Много. Принялся мальчик танки считать. Присмотрелся — а они деревянные. Как же на них воевать?!

Бросился мальчик к бабушке.

— Деревянные, — шепчет, — танки.

— Неужто? — всплеснула руками бабушка.

Бросился к деду:

— Деревянные, деда, танки.

Поднял старый глаза на внука.

Помчался мальчишка к станции. Смотрит: снова идёт эшелон. Остановился состав. Глянул Мокапка — пушки стоят на платформах. Много. Не меньше, чем было танков.

Присмотрелся Мокапка — так ведь пушки тоже, никак, деревянные! Вместо стволов — кругляки торчат.

Бросился мальчик к бабке.

— Деревянные, — шепчет, — пушки.

— Неужто?.. — всплеснула руками бабка.

Бросился к деду:

— Деревянные, деда, пушки.

— Что-то новое, — молвил дед.

Много непонятного творилось тогда на станции. Прибыли как-то ящики со снарядами. Горы выросли этих ящичков. Доволен Мокапка:

— Здорово всыпят фашистам наши!

И вдруг узнаёт: пустые на станции ящики. «Зачем же таких-то и целые горы?!» — гадают мальчик.

А вот и совсем непонятное. Приходят сюда войска. Много. Колонна спешит за колонной. Идут открыто, приходят засветло.

— Наши идут! Наши идут! — голосит Мокапка.

Лёгкий характер у мальчика. Сразу познакомился с солдатами. Дотемна всё крутился рядом. Утром снова бежит к солдатам. И тут узнаёт: покинули ночью эти места солдаты.

Стоит Мокапка, опять гадает.

Не знал Мокапка, что применили наши под Суджей военную хитрость.

Ведут фашисты с самолётов разведку за советскими войсками. Видят: приходят на станцию эшелоны, привозят танки, привозят пушки.

Замечают фашисты и горы ящичков со снарядами. Засаекают, что движутся сюда войска. Много. За колонной идёт колонна. Видят фашисты, как подходят войска, а о том, что ночью незаметно отсюда они уходят, об этом враги не знают.

Ясно фашистам: вот где готовится новое русское наступление! Здесь, под городом Суджей. Стянули под Суджу они войска, на других участках силы свои ослабили. Только стянули — и тут удар! Однако не под Суджей. В другом месте ударили наши. Прорвали наши фашистский фронт.

«КУТУЗОВ»

Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов известен всем. Это под его командованием русская армия в 1812 году разгромила полчища французского императора Наполеона I и изгнала их из пределов России.

«Кутузов» — так была названа одна из советских военных наступательных операций во время Курской битвы. Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин дал этой операции имя великого русского полководца. Цель операции «Кутузов» — окончательно разгромить фашистские войска, действовавшие севернее Курска, и освободить город Орёл. На город Орёл и направили свой удар советские войска.

Вокруг Орла фашисты создали мощную оборону. Минные поля, проволочные заграждения, глубокие окопы и укреплённые траншеи со всех сторон прикрывали подходы к городу. Обороной Орла командовал фашистский генерал Модель, который получил прозвище «Лев обороны».

Узнали наши солдаты про Моделя:

— Лев обороны! Посмотрим, что от фашистского льва останется.

В наступлении на фашистов, державших оборону в районе Орла, принимало участие сразу три фронта. Помимо Центрального, которым командовал генерал Константин Константинович Рокоссовский, Брянский и Западный. Первым ударил Западный. Он шёл с севера на Орёл.

Загремели, заговорили пушки. Началось то, что называют военные артиллерийской подготовкой. Вот закончится артподготовка, замолкнут пушки, и лишь тогда в атаку ринутся пехота и танки. Всё сильнее, сильнее гремят орудия. Ждут фашисты, когда закончится артподготовка, знают: раньше не быть атаке.

И вдруг перед фашистскими окопами появились советские войска. Не умолкают, грохочут пушки, а тут — войска!

— Как?

— Чудом каким?

— Откуда?!

В боях под Орлом был применён новый, советский военный приём: солдаты пошли в атаку, не дожидаясь конца артподготовки. Рвутся ещё снаряды. Укрылись фашисты поглубже в землю, забились в свои окопы. А

наши солдаты уже в атаке. Идут сразу же за огневым валом, сразу же за разрывами наших снарядов.

Не ожидали фашисты такой атаки. Растерялись. Замешкались. Упустили для действий ответных время.

Ударил Западный фронт, и тут же ударил с востока Брянский.

Заметались фашисты. Помощь нужна! Помощь!

Стягивают они войска с юга, оттуда, где стоял готовый к атаке на север Центральный фронт. А тут ударил Центральный фронт.

С севера, с юга, с востока пошли войска.

Сокрушили, смяли войска трёх советских фронтов фашистскую оборону. Ворвались в Орёл победители. По-кутузовски провели операцию «Кутузов».

Докладывают в Москве Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину.

— Ворвались в Орёл победители. По-кутузовски войска провели «Кутузова».

Кабинет. Длинный стол. Стена. Поднял товарищ Сталин глаза. Два портрета висят напротив — портрет Суворова, портрет Кутузова.

Улыбнулся краешком глаз Верховный. Долго смотрел на портрет фельдмаршала.

«РУМЯНЦЕВ»

Румянцев тоже фельдмаршал. Тоже прославленный русский полководец. Отличился фельдмаршал Пётр Александрович Румянцев в сражениях с Турцией. Молодой генерал Суворов сражался в подчинении у Румянцева.

«Румянцев» — так называлась вторая наша наступательная операция, которую советские войска провели во время великой Курской битвы.

Задача «Румянцева» — ударить по войскам, которые находились южнее Курска, разгромить здесь фашистов, освободить город Белгород, с боем ворваться в Харьков.

Два фронта готовились к наступлению: Воронежский, которым командовал генерал Ватутин, и стоявший южнее Степной во главе с генералом Коневым.

Началась операция «Румянцев». И вот в одном из стрелковых полков оказался солдат Румянцев.

Смешно солдатам от такого совпадения:

— И там «Румянцев», и ты Румянцев!

— Ты, может, потомком будешь?

Посмотрел на солдат Румянцев.

— Потомок, — сказал Румянцев.

— Да ну?!

— Откуда знаешь?

— А чем докажешь?

— Потомок, — опять повторил Румянцев.

На юге, так же, как на севере под Орлом, фашисты возвели мощные оборонительные сооружения. И тут окопы, и тут заслоны.

Всюду пушки, всюду мины. Нелегко здесь солдатам вперёд прорваться. Тут нужны герои-солдаты.

Накануне сражения полк, в котором служил Румянцев, был выдвинут к линии наступления. Совершали солдаты стремительный марш-бросок.

Шагают солдаты, а сами нет-нет глазом скосят на Румянцева. Каков он, солдат, в походе?

Идёт солдат. Землю шагом солдатским мерит. Едва поспевают за ним другие.

— Ничего, — рассуждают солдаты. — Солдатскую статью имеет.

Ночевали солдаты во время похода. Расположились в степи, в овраге. Готовятся солдаты ко сну, к покою. А сами нет-нет на Румянцева глянут. Каков он, солдат, на привале?

Расположился солдат на отдых. Первым делом свой автомат прочистил. Сбежал к ручью, воды принёс и себе и товарищам. Поделится с соседом куревом.

— Подходящ, — рассуждают солдаты, — что-то в солдате солдатское есть.

Утром шагнули бойцы в сражение. В атаке, в жарком бою солдаты, а сами нет-нет на Румянцева снова глянут: каков он в бою, Румянцев?

Лих оказался в бою Румянцев, бил фашистов направо-налево. Пулям не кланялся. За спину других не лез.

— Братцы, вперёд! — увлекал солдат.

Смотрят солдаты.

— Хорош. Молодец. Ничего не скажешь! Настоящий, видать, солдат.

Сокрушили советские войска фашистскую оборону. С боем ворвались солдаты в Белгород. А вскоре освободили они и Харьков.

Повстречали солдаты солдата Румянцева. Не даёт покоя бойцам неясность.

— Признайся же, братец, ты потомок того Румянцева?

Посмотрел солдат на бойцов загадочно.

— Потомок, потомок. Все мы потомки, — сказал солдат. — Потомки Румянцева. Внуки Кутузова.

НАДЁЖНАЯ ИНТУИЦИЯ

Накануне Курской битвы командный пункт командующего Центральным фронтом генерала Константина Константиновича Рокоссовского находился в одном из сёл недалеко от линии фронта. Жил Рокоссовский в крестьянской избе. Напротив дома были каменные ворота в старинный запущенный парк. Рядом с домом — два великана тополя.

Фашистским лётчикам показалось подозрительным это место. Приметили они и ворота, и дом, и два тополя.

Однажды прилетели сюда самолёты. Бросили бомбы. Час был поздний. В это время Рокоссовский обычно находился дома, принимал посыльных из штаба. Прилетели самолёты. Сбросили бомбы. Один самолёт — осветительные. Другой фугасные. И вот результат: снесли под корень

фашистские бомбы дом. Воронка — где были тополи. Уцелел Рокоссовский совсем случайно. Всего лишь за несколько минут до налёта назначил офицерам штаба для встречи другое место. Не оказалось в этот момент генерала в доме.

Улетели фашисты. Подошли к пепелищу командующий фронтом, ближайшие друзья и помощники Рокоссовского генералы Телегин, Малинин и Казаков. Смотрят генералы на Рокоссовского: мол, скажи, Константин Константинович, какое чудо тебя толкнуло нарушить порядок в приёме работников штаба, что увело из дома?

Улыбнулся друзьям Рокоссовский:

— Интуиция.

Время двигалось. Близилась Курская битва.

Когда окончательно стало ясно, что фашисты предпримут прорыв под Курском, ударят и со стороны Орла и Белгорода, возник вопрос: как быть с населением? Раздались голоса за то, чтобы эвакуировать всех мирных жителей с территории Курского выступа.

Вот какой приводился довод: а вдруг осият фашисты, прорвутся к Курску, что же, снова наших людей к фашистам в рабство?

Генерал Рокоссовский во время спора решительно стал за то, чтобы людей не трогать.

— Ну пусть наши войска фашистов, — сказал Рокоссовский.

— А вдруг не сдержат?!

— Сдержат.

— А вдруг прорвутся?

— Не прорвутся.

— У них же «тигры»! У них «пантеры»!

— Не прорвутся, — опять Рокоссовский.

— Ваши гарантии?

Устал Рокоссовский спорить, сказал:

— Интуиция.

И верно. Не пустили наши войска фашистов. Подтвердились слова Рокоссовского.

После Курской победы, уже после освобождения и Орла и Белгорода, кто-то напомнил Рокоссовскому тот разговор:

— Товарищ генерал, значит, оправдалась, не подвела интуиция?

— Не подвела, — подтвердил Рокоссовский. И следом за этим назвал количество советских танков и нашей артиллерии, нашей авиации и нашей пехоты, принимавших участие в Курской битве. Цифры были огромными. Превосходили наши фашистов в силе. И танков было больше, и самолёты лучше, и артиллерия более мощная. — Была интуиция, — сказал Рокоссовский. Надёжная интуиция.

ПОКЛОН ПОБЕДИТЕЛЯМ

Завершается Курская битва. И вот на привале сошлись солдаты. Курили, дымили, бои вспоминали. Кого хвалили, кого ругали. Озорные слова бросали. Потом притихли. И вдруг заспорили солдаты, кто под Курском лучше других сражался, кто почестей ратных и ратной славы больше других достоин.

— Лётчики — вот кто лучше других сражался, — брошено первое мнение.

— Верно!

— Верно! — пошла поддержка.

И верно, отличились под Курском лётчики. Били фашистов в небе. С неба врагов громили. Тут герой подпирал героя. Сама доблесть надела крылья.

— Лётчикам честь и слава. Почёт наш великий лётчикам, — соглашается чей-то голос. И тут же: — Однако под Курском не лётчики, а танкисты лучше других сражались. Танкисты по праву в первых.

Вот и второе возникло мнение.

— Танкисты!

— Танкисты! — дружно пошла поддержка.

И это верно. Высшей мерой явили под Курском себя танкисты. Грудью своей железной сломили они фашистов. Если скажешь: герои Курска — первым делом на память идут танкисты.

— Танкисты — народ геройский. Нет тут другого мнения, — снова раздался голос. — А всё же если тут говорить о первых, то первыми были под Курском артиллеристы. Артиллеристы, конечно, в первых.

Вот и добавилось третье мнение.

— Артиллеристы!

— Артиллеристы! — дружно пошла поддержка.

И это верно. Герои — другого не скажешь про артиллеристов. Говорили в те годы: артиллерия — бог войны.

— Артиллеристы, конечно, боги, — соглашается чей-то голос. — И всё же если речь тут идёт о первых, то, братцы, не к месту споры, пехота — вот кто законно в первых. Вот кто в боях под Курском сказал своё главное слово.

— Пехота!

— Пехота! — дружно пошла поддержка.

Спорят солдаты. Не рождается общее мнение. Начинается новый круг:

— Лётчики в лучших!

— Танкисты в первых!

— Артиллеристы!

— Пехота, братва, пехота!

Спорят солдаты. Спору конца не видно.

Чем бы закончилось, трудно сказать. Да только здесь пробасил над всеми басами голос:

— Слушай радио! Радио слушай!

Бросились все к приёмникам. В эфире гремит приказ. В честь великой победы под Курском, в честь взятия Орла и Белгорода объявлен салют победителям. В Москве, артиллерийскими залпами. Двенадцатью залпами из ста двадцати четырёх орудий.

И тут же слова о героях битвы: о лётчиках и танкистах, об артиллеристах и пехотинцах. Все они вровень идут в приказе. Все они в главных, все они в первых. Всем им и честь и слава.

Салют в честь войск, освободивших Орёл и Белгород, был первым салютом Москвы победителям. С этого дня и пошли салюты.

Великой победой Советской Армии завершилась грандиозная Курская битва.